

Бедная Лючия осталась круглой сиротой. Ее родители умерли, и у нее теперь не было на свете ни души близкой или родной. Она собрала все свои жалкие пожитки и решила идти искать счастья. Из маленькой деревушки, которая стояла в горах недалеко от лазурного Неаполитанского залива, она вышла под вечер, когда зной уже спал, и решила переночевать где Бог пошлет. Шла она долго, наконец устала, присела на камень под развесистой пинной, вынула кусок хлеба и стала есть его, запивая светлой водицей из ручья, протекавшего через дорогу. Вдруг она услышала какой-то жалкий-жалкий писк. У Лючии было доброе сердце, и когда она видела, что кто-нибудь страдает, плачет или мучается, она старалась помочь огорченному. Так и теперь, она не могла спокойно есть и пить, слыша этот жалобный тихий стон. Лючия поднялась, осмотрелась кругом и вдруг увидела, что в ручье что-то копошится и бьется. Она подошла поближе, наклонилась и заметила в мелком месте какое-то крошечное беленькое создание, которое тонко и жалобно пищало. Лючия подняла его и при свете заходящего солнца увидела крошечного белого котеночка, жалкого и мокрого.

— Ах ты, бедная зверушка, — сказала она, отерла его передником и положила за корсаж. — Ну, отогрейся, а потом я накормлю тебя чем Бог послал.

Через несколько минут Лючия двинулась в путь, когда же стемнело, зашла в первую попавшуюся ей на дороге остерию и попросила хозяйку пустить ее переночевать даром. Лючия попросила ее дать ей молока, сказав, что за него-то она заплатит утром, утолила им голод сама и накормила своего котенка, который обсох и оказался очень мил. Он был весь белый с удивительно красивыми светло-голубыми глазками и длинной пушистой шерстью. Котик как-то сразу привык к Лючии, и когда девушка легла спать, свернулся клубком у ее ног. Засыпая, он замурлыкал, и в его горлышке послышалось: буль-буль. Лючия решила, что она так и будет его называть — Буль-Буль.

В эту ночь ей приснился странный и чудный сон. Она увидела себя в великолепном, полном цветов и статуй мраморном зале, который наполняла нарядная толпа. Вся толпа эта приветливо и низко кланялась ей, Лючии, сидевшей на золотом троне с короной на голове рядом с красивым молодым человеком, тоже в блестящем золотом венце.

Когда Лючия проснулась, было светло. Буль-Буль весело прыгал по комнате и совсем не походил на то жалкое создание, которое она накануне спасла из воды. Молодая девушка простилась с хозяйкой остерии, и тут случилась странная вещь. Желая дать ей два сольди за молоко, Лючия развернула свой кожаный кошелек и вдруг среди медных сольди увидела в нем новенькую серебряную монету в пять лир. Лючия знала наверняка, что у нее не было серебряных денег, и изумилась, но решила, что кто-нибудь из прощавшихся с ней соседей тихонько положил эту монету в кошелек.

Она подала пять лир хозяйке, но та отказалась от платы за ночлег и взяла только десять сентимо за молоко, сказав:

— Нет, девушка, мне не нужно денег, отдай лучше мне вон того красивого котеночка, что бежит за тобой.

Но Лючии было жаль расстаться с Буль-Булем.

— Я не отдам его. Он уже привык ко мне и полюбил меня, и хотя бы мне пришлось самой голодать, я буду делиться с ним последним, что у меня есть. Возьмите лучше все мои деньги.

Точно поняв слова девушки, белый котик замурлыкал и, подняв хвост трубой, стал весело прыгать вокруг нее.

— Бог с тобой, — сказала хозяйка остерии.

Целый день шла Лючия, она заходила во многие дома, спрашивала, не нужно ли там работницы, но никто ее не нанял. Усталая, измученная девушка шла все дальше и дальше, даже не зная, где ей придется переночевать. По дороге ей встретился густой лес, и она решила, что, выбравшись из его чащи, она ляжет где-нибудь на траве и проведет ночь под светом звезд. Как только она подумала это, в лесу послышался конский топот, свист. На Лючию налетели разбойники. Не рассмотрев ее бедного платья, они напали на нее, связали ей руки и отвели в свой лагерь на склоне горы.

— Ну, девушка, — сказал ей атаман, — какой выкуп дашь ты за себя? Впрочем, мы это увидим завтра утром. Теперь же мы устали. Поди вот в ту палатку и тоже спи до утра.

Опять чудный сон приснился Лючии: она увидела себя в дивном зале из розового мрамора с колоннами, украшенными золотом. Ее вел к трону прекрасный принц в золотой короне, а с высоких хоров лились звуки музыки. Толпы людей склонялись перед ней.

Рано утром она проснулась, почувствовав, что кто-то нежно касается ее волос, и, открыв глаза, увидела Буль-Буля, который, сидя против нее, пристально смотрел ей в лицо голубыми блестящими глазами и то дотрагивался лапкой до ее головы, то, шая, перекатывал кожаный кошелек, который он, как видно, вытащил из ее кармана.

Утром атаман разбойников подошел к Лючии, развязал ей руки и велел отдать все деньги, которые были у нее. Она открыла кошелек и чуть не закричала: в нем лежало пять золотых монет, каждая в десять лир.

— Возьмите все, — сказала девушка, — и отпустите меня.

А сама подумала: «Верно, кто-нибудь из разбойников, несмотря на свое разбойничье ремесло, все-таки добрый человек, сжалился надо мной и, пока я спала, положил в мой кошелек деньги для выкупа».

— Хочешь, девушка, я оставлю тебе все деньги? Отдай мне только твоего белого котеночка. Он у тебя такой забавный.

— Нет, нет, — ответила Лючия, — возьмите все, что у меня есть, но котенка я не отдам. Я к нему привыкла, и, кроме Буль-Буля, у меня нет никого и ничего.

Атаман разбойников взял золотые монеты, оставив в кошельке только несколько медных сольди, зато на прощанье напоил и накормил девушку и ее маленького товарища и отпустил их.

Она пошла со склона горы. Буль-Буль рысцой побежал за нею, когда же он устал, Лючия снова посадила его к себе за пазуху.

К вечеру девушка увидела большой деревенский дом с амбарами, птичниками, сараями, конюшнями и хлевом. У женщины, которая поливала грядки в огороде, Лючия спросила, не нужно ли ее хозяевам работницы.

— Я не знаю, — ответила она. — Я только поденщица, нужно спросить работника.

Она призвала работника. Спросила его, он ответил:

— Не знаю, нужно спросить приказчика.

Призвали приказчика, спросили его.

— Не знаю, — сказал он, — нужно спросить управляющего.

Призвали управляющего, спросили его.

— Не знаю, — сказал он, — нужно спросить хозяина.

Призвали хозяина, спросили его.

— Не знаю, — сказал хозяин, — нужно спросить жену.

Призвали старую синьору.

Пришла толстая дама в нарядном платье, в большом чепце, оглядела Лючию и сказала:

— Ты, кажется, здоровая и сильная девушка и пригодишься мне на кухне. Только одно должна тебе сказать: я люблю порядок и за малейшую провинность откажу тебе от места.

Она еще пристальнее посмотрела на девушку, вдруг нахмурила черные густые брови и спросила:

— Это что за усатая морда выглядывает у тебя из-за передника? Котенок? Ну, милая, изволь тотчас же выгнать его. Я не терплю животных и ни за что не позволю тебе держать у себя кошек.

— Добрая синьора, — ответила Лючия, — это котеночек Буль-Буль. Я не брошу его и не выгоню, если же вам не угодно позволить мне держать его у себя, я лучше пойду искать другого места.

Синьора опять посмотрела на Лючию и произнесла:

— Жаль, ты мне очень нравишься. Мне кажется, ты могла бы хорошо работать. Ну, Бог с тобой. Оставайся вместе с котенком. Только смотри: если он наделает беспорядков в моем доме, я без всякой жалости выгоню и тебя, и его или просто-напросто велю его утопить.

Лючия осталась. Ее отвели в маленькую, но чистую каморку, и она с наслаждением улеглась спать. И опять странный сон привиделся ей. На этот раз ей чудилось, будто она и все тот же принц стоят посреди великолепного зала с потолком, сделанным из одного громадного сапфира и украшенным большими бриллиантовыми звездами. Все серебряные стены, покрытые эмалевыми рисунками чудной работы, были осыпаны жемчугом, топазами и бирюзой. И опять ее окружали нарядные мужчины и дамы и низко склонялись перед ней, как перед королевой.

Наутро она принялась за работу. Ее отвели в кухню и заставили вычистить все кастрюли, все сковороды, все утюги, всю утварь и посуду. Дело оказалось нелегкое, так как вещи были запущены и грязны, но Лючия, не смущаясь, принялась их скрести и мыть. Работала она усердно. Маленький Буль-Буль не отходил от нее, и когда он, сидя возле девушки, смотрел, как она работает, грязь как-то особенно скоро отскакивала от вещей. К вечеру Лючия закончила данную ей работу, и старая синьора осталась довольна.

Так пошла жизнь Лючии. Ей поручали всевозможные тяжелые работы. Она все делала беспрекословно и охотно, и все у нее спорилось в руках. Ей аккуратно платили небольшое жалованье, сытно кормили и одевали. Она была довольна. Только одно печалило молодую девушку: она так уставала к вечеру, что, ложась на жесткую постель, мгновенно засыпала, спала крепко и уже никогда не видела тех чудных снов, которые ей грезились три ночи подряд.

Прошел целый год. За это время котенок Буль-Буль превратился в громадного красивого белого кота с длинной пушистой шерстью и большими голубыми глазами. Он по-прежнему любил свою хозяйку, по-прежнему не отходил от нее ни на шаг и вел себя скромно и тихо, точно понимая, что от него зависела ее судьба.

Лючия тоже любила его, каждый день кормила молоком, прятала для него от обеда самые вкусные кусочки, а вечером, оставшись в своей маленькой каморке, поверяла ему на ушко все приятное или тяжелое, что случилось с ней.

— Сегодня, Буль-Буль, я уронила кувшин и отломила у него носик, — говорила она котенку, — уж так экономка сердилась, так бранила меня, а вдобавок обещала в следующий раз пожаловаться на меня хозяйке.

И Буль-Буль, казалось, сочувственно мурлыкал, печально смотрел на свою молодую хозяйку, терся головой о ее руку, а иногда даже, странная вещь, проводил бархатной лапкой по ее лицу и стирал с ее щек слезы.

— Ну, Буль-Буль, сегодня у меня радость! Старшая горничная моей госпожи подарила мне свою старую шелковую кофточку. Нужно только немножко ушить ее — она ведь толстая, и тогда все будет готово! Я надену ее на праздник в деревне Сан-Летуччио.

И белый пушистый кот, точно понимая радость Лючии, начинал прыгать вокруг нее, весело мурлыкал, заигрывал с ней, носился по комнате.

Однажды в доме синьора и синьоры Виварини (так звали хозяина и хозяйку Лючии) начались хлопоты и суета. Через неделю наступал день двадцатипятилетия их свадьбы, и они хотели задать блестящий пир. В дом приходили то рыбаки, то мясники, то охотники со своими товарами. Огородник выбирал лучшие овощи, садовник приготавливал лучшие цветы. Все комнаты чистили и скребли. Из чуланов принесли старинную дорогую посуду, хрустальные кубки, стаканы и рюмки. Вывешивали проветриваться ковры и драпировки. Словом, всю неделю шла усиленная работа. Понятно, и у Лючии было много дел. Она работала то со щетками, то с мочалкой в руках, без устали

мыла, чистила, скребла, а ее Буль-Буль всегда сидел в двух шагах от нее, поглядывая на нее своими большими, умными, блестящими глазами.

Еще накануне праздника в дом съехались ближайшие родственники и друзья Виварини. На следующий же день вся усадьба с утра наполнилась гостями. Началось торжество. Утром синьору и синьоре пропели серенаду, потом стали подносить цветы и подарки, в двенадцать часов позавтракали. К обеду ожидали необыкновенное количество гостей. Стол накрыли на большой террасе, увитой виноградом. Его убрали роскошно: покрыли древней, в первый раз вынутой из кладовой затканной серебром скатертью, поставили превосходную старинную фарфоровую посуду, граненый хрусталь, принесли из погреба старинное салернское белое и красное вино в великолепных граненых кувшинах. Оно составляло одно из лучших украшений стола, посреди которого красовалась громадная корзина, полная благоухающих цветов.

Конечно, занятая в кухне Лючия не видела всей этой роскоши, но когда все было готово, один из поваров, полюбивший ее за трудолюбие и кроткий нрав, сказал:

— Пойди, Лючия, посмотри на накрытый стол. Теперь все гости в саду, и никто тебя не увидит. Иди, полюбуйся на роскошь, которой никогда не видала, да никогда и не увидишь.

Лючия пошла к веранде, побежал за ней и ее Буль-Буль. В изумлении остановилась она перед роскошно убранном столом, и только что хотела идти обратно, как вдруг случилось что-то ужасное. Ее Буль-Буль, всегда такой тихий, смирный, разумный, точно с ума сошел, он одним прыжком вскочил на стол и принялся носиться из стороны в сторону. Все летело: стаканы, рюмки, графины. Лючия не могла поймать кота... Он разбрасывал лапами вилки и ножи. Тарелки падали на пол, графины опрокидывались, красное и белое вино ручьями растекалось по скатерти. Только побледневшая Лючия хотела схватить Буль-Буля, как кот кинулся на цветочную корзину, принялся зубами и когтями тормошить ее и рвать нежные цветы. Несчастье было полное. На крик Лючии сбежались слуги, гости, синьор Виварини и сама грозная синьора.

— Лови, лови! Держи, держи! — кричали все в один голос.

Но кот громадным прыжком соскочил с балкона и исчез в густой зелени цветущих олеандров.

— Как ты смела, как ты смела!.. — могла только выговорить синьора Виварини.

Девушку бранили и велели ей в ту же минуту, в ту же секунду уходить куда глаза глядят, не позволив даже взять с собой вещей, не позволив даже заглянуть в свою каморку.

— Позвольте по крайней мере отыскать моего котика Буль-Буля, — робко проговорила заливавшаяся слезами Лючия, — ведь он со страху куда-то запрятался.

— Как? Что? — закричали синьора, синьор и все гости. — Ты еще смеешь говорить об этом негодном животном? Убирайся сейчас же куда глаза глядят, а если твой мерзкий кот попадется кому-нибудь из нас в руки, мы его повесим на первом же тополе. Пошла вон!

Обливаясь слезами, Лючия вышла из сада. Старый повар по дороге сунул ей ломоть хлеба, а старшая горничная тихонько дала несколько медных монет. В благодарность Лючия только кивнула им головой. Говорить она не могла, ее душили слезы.

Печально брела она по пыльной дороге. Больше всего ее огорчало не то, что она осталась без куса хлеба, что ее обидели и оскорбили, а то, что она потеряла своего единственного друга, белого котика Буль-Буля. Шла она медленно, опустив голову, не глядя по сторонам, и вдруг почувствовала, что кто-то тянет ее за подол платья. Она обернулась и увидела Буль-Буля, который схватил край ее юбки зубами и подергивал за него, чтобы обратить на себя внимание своей госпожи.

— Ах ты, котикшка, — радостно закричала Лючия, — ах, ты мой Буль-Бульчик, миленький. Много горя наделал ты мне сегодня. Но ты нашелся, а это главное. Ведь ты мой друг, ты моя прелесть! Теперь мне не жаль ни удобной комнатки в богатом доме Виварини, ни денег, ни вещей, которые остались у меня в сундуке. Немного неприятно, конечно, что мы с тобой огорчили людей, которые до сих пор не сделали мне зла, но в этом виноват ты, котикшка, а не я. И где ты пропадал? Поди, поди ко мне на руки, мой хорошенький котик.

Буль-Буль выгнул спину дугой, весело мурлыкал, хитро поглядывал на Лючию слегка

прищуренными голубыми глазами и кружился около ее ног. Но на руки не вскочил, а вдруг побежал вперед и, свернув с дороги, пошел все прямо и прямо, изредка поворачивая голову и посматривая на Лючию, точно желая спросить:

— Ну, что же, идешь ты или нет?

Лючия немного изумилась, но пошла за котом, потому что ей было все равно куда идти. Темнело. Лючия устала, а кот все бежал и бежал вперед и по временам останавливался и оборачивался, чтобы посмотреть, идет ли за ним его хозяйка. Миновали холмы, вошли в лес, шли все дальше. Лес становился темнее и гуще. Наконец, Лючия увидела низкую землянку с узеньким входом. Буль-Буль остановился, повернулся к Лючии, пристально, серьезно посмотрел ей в глаза, схватил зубами край платья девушки, потащил ее к узкому входу, потом, как человек, указал лапкой на дверь и, выпустив платье Лючии, первым вбежал в земляную хижину. Лючия подумала с минуту, потом махнула рукой и пошла за ним.

К своему удивлению она увидела в землянке небольшую круглую комнату, выложенную по стенам какими-то белыми камешками. Посередине был золоченый табурет, а на нем неподвижно стоял Буль-Буль. Его окружало множество красивых котов и кошек. Одни мохнатые, другие гладкие. Все они подходили к подушке, некоторые кланялись, некоторые протягивали к нему лапки и оказывали ему знаки почтения и внимания.

— Буль-Бульчик, — радостно закричала Лючия, — я вижу, я отлично понимаю, что ты не простой котик, ты кошачий король и привел меня в свое королевство! Отлично, я буду здесь жить у тебя, делать все, что ты мне прикажешь, служить тебе, как я служила синьорам Виварини, а ты за то корми меня, но только не крысами и не мышами.

Едва Лючия выговорила эти слова, как землянка превратилась в громадный белый мраморный зал, украшенный цветами и золотом, кошки и коты — в нарядных мужчин и дам, табурет — в два прекрасных золотых трона, а сам Буль-Буль — в прелестного молодого принца с золотой короной на голове. Такую же золотую корону, украшенную драгоценными камнями, он протянул Лючии, сказав ей: «Надень!»

— Да что ты, Буль-Буль... то есть, что вы, Ваше Высочество! Куда мне надевать корону?.. Что это ты выдумал, кисанька... ведь я, ваша светлость, одета, как посудомойка.

— Посмотри на себя, Лючия, ты одета, как принцесса, — ответил принц, — и не называй меня высочеством и светлостью. Я принц Гатто, а ты моя невеста, принцесса Лючия. Злой колдун заколдовал меня, но ты своей добротой разбила его злые чары. Ты подобрала меня в виде котенка, ты оценила мою привязанность, привязанность маленького беспомощного зверька, ты не отдала меня ни хозяйке таверны, ни атаману разбойников, понимая, что сердце привязавшегося к тебе котенка страдало бы в разлуке с тобой. Ты не захотела оставить меня после испытания, которому я тебя подверг в доме Виварини! Наконец, здесь ты согласилась служить мне, и злые чары развеялись. Ты достойна быть моей принцессой. Взгляни же на себя и прими из моих рук корону.

Лючия посмотрела на свое платье и увидела, что оно изменилось, как и все кругом. На ней была великолепная, затканная серебром и золотом одежда. Принц подал ей руку, и вся толпа придворных склонилась перед нею. Потом все было, как во сне. Они перешли из белого мраморного зала в розовый и наконец в зал с сапфировым потолком, украшенным бриллиантовыми звездами. На хорах гремела музыка. Нежные голоса пели веселые песни.

На следующий же день принц Гатто обвенчался с Лючией. После свадебного пира пажи молодой принцессы повезли в дом Виварини богатые подарки, чтобы вознаградить ее бывших хозяев за те убытки, которые причинил им кот Буль-Буль.

Принц и принцесса пригласили к своему двору доброго повара и старшую горничную, дружески относившихся к Лючии во время ее жизни в доме Виварини. Повару дали генеральский чин и поручили ему заведовать дворцовой кухней, горничную сделали статс-дамой и попросили ее присматривать за молоденькими фрейлинами. Нечего и говорить, что хозяйка остерии, которая пустила Лючию переночевать, тоже была щедро награждена.

Принц и принцесса жили долго, счастливо и хорошо управляли своим королевством. Подданные

горячо любили их.

